

объединённой системе. Это также важный шаг к тому, чтобы молодежь Беларуси могла пользоваться преимуществами Евразийской интеграции, расширить свой профессиональный опыт, стать более мобильной и независимой на постоянно меняющемся рынке труда.

Таким образом, развитие гибкого рынка труда в Беларуси в контексте единого Евразийского пространства – это важный элемент не только экономической модернизации, но и социализации молодежи, закрепления ее в рамках общей Евразийской культурной и трудовой сферы. В результате это способствует более глубокому и всестороннему процессу социокультурной и экономической интеграции.

Литература

1. Демченко С. В. Фриланс как форма самостоятельной занятости // Актуальные проблемы права : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). Москва: Буки-Веди, 2015. С. 184–186.

2. Проект «Работа без границ» стартовал в ЕАЭС URL: <https://eec.eaeunion.org/news/proekt-rabota-bez-granic-startoval-v-eaes/>. (дата обращения: 04.05.2026).

15. Рассказываем о фрилансе. URL: <https://volkovysknews.by/zanyatost/15995-na-volnykh-khlebakh-rasskazyvaem-o-frilanse>. (дата обращения: 04.05.2026).

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Тесленко А.Н., Астана (Казахстан)

Аннотация. *Произошедшие на евразийском пространстве в конце XX – начале XXI в., акцентировали необходимость создания единого образовательного пространства в рамках ЕАЭС. Однако за последние тридцать лет в постсоветских странах сформировалось молодое поколение более ориентированное на прозападный образ мышления и западную культуру, чем на евразийские ценности. Поэтому рассмотрение проблемы евразийской идентичности молодого поколения весьма актуальна. Цель данной статьи: анализ состояния и проблем единого образовательного пространства в контексте формирования евразийской идентичности молодежи на примере «поколения KZ» – молодых казахстанцев, родившихся и выросших в условиях независимости. Автор в исследовании опирался на социокультурный анализ состояния и перспектив создания единого образовательного пространства ЕАЭС, позволяющий выявить барьеры на пути интеграционных процессов в области образования. Основной вывод исследования: выстраивание стратегии*

долгосрочной политики в направлении создания единого образовательного пространства и интеграционных процессов в области образования должно осуществляться с учетом реальности культурно-цивилизационного фактора реинтеграции.

Ключевые слова: образовательное пространство ЕАЭС, поколения КЗ, социализация молодежи, идентификация, евразийская идентичность, евразийские ценности, культурные модели социализации.

EURASIAN IDENTITY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A UNIFIED EDUCATIONAL SPACE

Teslenko A. N., Astana (Kazakhstan)

Abstract. *The events that occurred in the Eurasian space in the late 20th – early 21st centuries emphasized the need to create a unified educational space within the EAEU. However, over the past thirty years, a younger generation has emerged in post-Soviet countries that is more oriented toward a pro-Western mindset and Western culture than toward Eurasian values. Therefore, examining the issue of the Eurasian identity of the younger generation is highly relevant. The purpose of this article is to analyze the current state and challenges of a unified educational space in the context of the formation of a Eurasian identity among young people using the example of the "KZ generation" – young Kazakhstanis born and raised in the post-independence era. The author relied on a sociocultural analysis of the current state and prospects for creating a unified educational space within the EAEU, which allowed the identification of barriers to integration processes in the field of education. The main conclusion of the study is that the development of a long-term policy strategy towards creating a unified educational space and integration processes in the field of education should be carried out taking into account the reality of the cultural and civilizational factor of reintegration.*

Keywords: *educational space of the EAEU, generations KZ, youth socialization, identification, Eurasian identity, Eurasian values, cultural models of socialization.*

«Русские люди и люди народов «Российского мира» – ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающей нас стихией культуры и жизни, мы не стыдимся признать себя евразийцами».

Н.Я. Данилевский

Введение. Выступая в 1994 году в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, экс-Президент Казахстана

Нурсултан Назарбаев впервые озвучил идею создания отвечающего духу времени интеграционного объединения – Евразийского союза [6, с.6]. Эта идея не претендовала на немедленную реализацию, однако, как показало время, стала мощным катализатором интеграционных процессов. В основе евразийства лежат принципы открытости и терпимости общества, его готовности к восприятию полезного извне, способности синтезировать своё и воспринятое. Все эти качества воплощаются в умение создавать на этой основе специфическую цивилизацию, для которой характерно гармоничное сочетание общечеловеческих, национальных и этнических ценностей [2]. Лидером интеграционных процессов, по задумке ее авторов, должна стать молодежь.

Современная молодежь – это фактически первое поколение, родившееся и выросшее в независимых странах на постсоветском пространстве. «Поколение независимости», взрослевшее в сложной обстановке изменения стереотипов, стремительных и не всегда гладких политических и экономических трансформаций сформировало свое особое *групповое сознание* и восприятие окружающей действительности. В моих работах это поколение получило название «Поколение KZ» [9,10,11]. По данным социологических исследований этому поколению казахстанской молодежи присущ низкий уровень интереса и участия в событиях политической, экономической и культурной жизни страны, агрессивность и правовой нигилизм. Широко распространенными явлениями молодежной среды являются рост ее криминализации, распространение деструктивных субкультур и сообществ. Характерной чертой этого поколения являются слишком завышенные ожидания от своего трудоустройства: они предпочитают подстраивать условия работы под свою жизнь, а не наоборот. В то же время – они хотят отдачи от своей работы и большего участия в принятии решений, предпочитают использовать гибкое рабочее время, но слабо подготовлены к жестким рыночным отношениям в силу своей некомпетентности и всеядности.

На «Поколение KZ» сильно повлияло развитие интернет-технологий, сетевой коммуникации, таких, как электронная почта, служба коротких сообщений и новых медиа-ресурсов, наподобие видеохостинга YouTube и социальных сетей (Facebook, Twitter и т.д.). Глобальное расширение поля их социального и коммуникативно-информационного пространства за четверть века независимости и открытое общение со своими западными сверстниками создают *новый прозападный образ мышления*. Основные черты, этого мышления наиболее ярко иллюстрируют экстремальные события на Украине. Это

мышление, утверждая собственную историческую идентичность «как культурно подлинной части большой Европы» базируется на русофобии. По мнению известного американского политолога и социолога Збигнева Бжезинского – «всплеск украинского патриотизма» – сигнал о том, что приверженность к национальной независимости становится «доминирующей политической реальностью» [1, с.3]. Это, по его мнению, особенно касается молодых украинцев, которые больше не чувствуют себя с лингвистической или исторической точек зрения частью «матушки России». Бжезинский убежден, что даже в соседней Белоруссии и Казахстане, «которыми управляют авторитарные режимы, подобная западная ориентация начинает всплывать на поверхность».

Действительно, в ходе проводимых в странах СНГ реформ изменились как базовые основы жизни общества, так ценностно-идентификационной ориентации различных групп населения и, прежде всего, молодежи. Изменения в социуме, произошедшие на евразийском пространстве в последнем десятилетии XX века, привели к *кризису гражданской идентичности личности*. Если раньше многие люди относили себя к категории «советский человек», которая определяла их образ жизни, стиль поведения и чувства, то сейчас обобщенная категория «казахстанец» только складывается.

Сегодня традиционные идеи и ценности утрачивают свой смысл для личности – их невозможно идентифицировать в социокультурной реальности [3]. Приоритеты солидарности и коллективизма в молодежном сознании утратили былую значимость и актуальность. Сегодня происходит внешнее объединение молодых людей на основе социальных сетей, которое не может устранить их внутреннее отчуждение друг от друга. Однако, разный уровень экономического развития, политический нигилизм, отсутствие внятных целей и перспектив породили в массовом сознании чувство апатии, следствием которого можно считать тенденции социального отчуждения в молодежной среде.

Следует ли из этого, что официальная риторика о Евразийском союзе не находит своего реального подтверждения в молодежном сознании? Является ли идея евразийства базовой ценностью для новых поколений? Каковы перспективы участия молодежи в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве? Попытка ответа на эти вопросы и составляет цель данной статьи.

Методы и методология. С целью изучения ценностно-идентификационной ориентации молодых казахстанцев, идеи евразийства в молодежном сознании ОФ «Центр ювенологических

исследований» и НИИ социально-педагогических исследований Кокшетауского университета им. Абая Мырзахметова провели широкое пилотное социологическое исследование среди школьников, студентов, магистрантов и выпускников высших учебных заведений, молодых специалистов в мае-сентябре 2025 года. В качестве основных методов исследования использовалась тест самоидентификации личности (20-ти «Я») М. Куна и Т. Макпартлэнда [5], методика ранжирования базовых цивилизационных ценностей А.Н. Тесленко и разработанный на его основе экспертный опрос этнокультурной идентичности и социокультурных ценностей молодых казахстанцев (N=700).

В опросе приняли участие 378 юношей и 401 девушка в возрасте от: 17 до 21 лет – 60,5%; от 21 до 25 лет – 16%; от 25 до 36 лет– 23,4% респондентов. Респонденты были представлены следующими группами: старшеклассники – 4,6%, студенты средне-специального учебного заведения – 13%; студенты и магистранты – 61,5%; молодые специалисты –20,7%.

Результаты и обсуждение. Социальная и личностная идентификация изучалась на основе теста «20-ти «Я». Выявлено доминирование личностной идентификации над социальной и зафиксирована возрастная динамика уровня идентификации, а также выявлены ее наиболее значимые критерии и различия среди показателей, в зависимости от среды обучения и развития.

Известно, что в 1980-е годы в СССР, в условиях политической стабильности среди молодежи преобладала социальная (групповая) идентификация над личностной, в настоящее время, как показывает наше исследование, в условиях вариативной системы образования, напротив, личностная идентификация доминирует над социальной. Это хорошо видно из таблицы 1.

Таблица 1. Соотношение социальной и личностной идентификации в разных типах учебных учреждений (%)

Возрастная группа	Социальный статус	Включенность в совместную деятельность	Идентификация	
			Личностная	Социальная
16-17 лет	старшеклассники	84,0	21,0	33,8
16-19 лет	учащиеся средне-специального учебного заведения	48,0	42,1	41,3

Возрастная группа	Социальный статус	Включенность в совместную деятельность	Идентификация	
			Личностная	Социальная
18-25 лет	студенты и магистранты	52,0	36,8	24,8
25-27 лет	молодые специалисты	59,0	36,7	30,7

В ходе анализа эмпирических данных обнаружилась разная динамика идентификации в зависимости от типа деятельности и возрастного статуса. Мы установили, что у учащихся средне-специальных учебных заведений (колледжей) уровень личностной идентификации более высокий, чем у школьников (см. табл. 1). Объяснить это можно несколькими причинами. Во-первых, в колледже процессы обучения и воспитания протекают более интенсивно, чем в школе. Во-вторых, в колледже делается ставка на личностно-значимое профессиональное образование, что предполагает более высокий уровень готовности к принятию значимых самостоятельных решений в будущем. Соответственно, эта образовательная среда больше внимания уделяет самоподготовке, самоконтролю и творчеству учащихся, развитию у них чувства собственной ответственности не только за результаты обучения, но и за достижение любых поставленных перед собой целей.

В целом результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о преобладании у молодежи личностной идентификации над социальной (см. табл. 1). Изучение личностной идентификации позволило выявить у молодых людей разных возрастных групп высокие показатели по шкале: «Индивидуально-личностные черты характера». Данное исследование показывает, что современные юноши и девушки довольно часто произносят не только положительные («Я – разумный», «Я – добрая», «Я – трудолюбивый», «Я – добросовестный»...), но и отрицательные («Я – ленивый», «Я – эгоист»...) высказывания в свой адрес. В отличие от школьного этапа социализации личности, только в период студенчества у них начинает формироваться сознательное отношение к себе, как к члену общества. Оно развивается как под влиянием социальной среды, так и внутренних потребностей индивида в процессе деятельности. Особенности самосознания проявляются у молодых людей в их стремлении проанализировать собственные достоинства и недостатки, оценить свои личностные качества. В то же время у учащихся всех типов

образовательных заведений в целом доминирует *завышенная самооценка*. Устойчивый рост адекватной и уменьшение заниженной самооценки замечен в период завершения обучения и начала самостоятельной трудовой деятельности.

Оценка уровня идентификации (методом Макпартлэнда) показала, что среди школьников и студентов преобладает «социальное Я» (речь идет об объекте в социальном мире, вовлеченном в структурированные ситуации взаимодействия и связанным с другими людьми посредством норм, прав и обязанностей, обусловленных их ролью в обществе), а магистрантов и молодых специалистов – «рефлексивное Я» (это субъективные определения, которые, тем не менее, имеют связь с социально релевантными характеристиками поведения). По мнению психологов, такие люди менее защищены, они больше подвержены стрессам, социальной изоляции в нестабильном обществе. Однако, с другой стороны, им свойственна когнитивная гибкость, направленность на себя, самоанализ. Такая линия развития идентификации способствует формированию у молодежи «истинного чувства» идентичности.

Сравнивая данные по критерию идентификации «Мировоззренческие черты», мы выявили, что наиболее значимыми объектами социальной идентификации являются семья, первичные формальные и неформальные группы, крупные общности. Строя свои планы на будущее, молодые люди задумываются над глобальными проблемами, смыслом жизни, своего социального статуса. Формируется представление о мире, пытаюсь найти свое место в нем, юноши и девушки начинают мыслить, осознавать себя как «казахстанец», «гражданин РК», «человек мира», «часть Вселенной» и т.п. Важно отметить, что этническая идентификация в юношеском возрасте слабо выражена. Для молодых людей она пока еще не имеет большого значения, потому и высказывания, типа «Я – казах», встречаются достаточно редко. Интересно, что имеющиеся высказывания больше характерны для представителей титульной нации из южных регионов страны и выходцев из аульной среды. Этническая идентификация становится более заметна у студентов старших курсов и магистрантов.

Социокультурный образ складывается из ценностных ориентаций. Для начала представим результаты исследования о представлениях молодых казахстанцев о культурных чертах западной, восточной, кочевой (культура номадов) и мусульманской культур, выявленных в процессе их ранжирования (табл. 2).

Таблица 2 – Структура ценностей разных культурах в молодежном сознании

Западные культуры	Восточные культуры	Культура номадов	Мусульманские культуры
ИМЕЮТ ПЕРВОСТЕПЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ			
Индивидуальность Уровень в структуре власти Деньги (богатство) Пунктуальность Первенство Спасение, помощь Активность, настойчивость Уважение к молодежи Цвет кожи (национальность) Равенство полов Человеческое достоинство Эффективность, качество Образование Непосредственность	Материнство Уровень в структуре власти Мужественность Мощь государства Мир Скромность Коллективная ответственность Карма Уважение старших Гостеприимство Сохранение среды Авторитаризм Патернализм Патриотизм	Уровень в структуре власти Мужественность Мощь государства Гостеприимство Коллективная ответственность Уважение старших Сохранение среды Авторитаризм Патернализм Патриотизм	Уровень в структуре власти Мужественность Коллективная ответственность Уважение старших Патриотизм Религия Авторитаризм
ИМЕЕТ ВТОРОСТЕПЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ			
Материнство/женственность Патриотизм Авторитаризм Мужественность	Уважение к молодежи Равенство полов Человеческое достоинство Образование Непосредственность	Деньги (богатство) Активность, настойчивость Спасение, помощь Первенство Цвет кожи (национальность) Скромность Религия	Материнство Мощь государства Деньги (богатство) Скромность Спасение, помощь Активность, настойчивость Уважение к молодежи Цвет кожи (национальность) Человеческое достоинство Образование Непосредственность

Западные культуры	Восточные культуры	Культура номадов	Мусульманские культуры
ИМЕЕТ ТРЕТИСТЕПЕЙНОЕ ЗНАЧЕНИЕ			
Мощь государства Мир Сохранение среды	Индивидуальность Деньги (богатство) Пунктуальность Активность, настойчивость Эффективность, качество	Индивидуальность Человеческое достоинство Образование Непосредственность Уважение к молодежи	Пунктуальность Эффективность, качество
НЕСУЩЕСТВЕННЫЕ			
Скромность Коллективная ответственность Уважение старших Гостеприимство Религия	Спасение, помощь Первенство	Пунктуальность Эффективность, качество Равенство полов Карма	Индивидуальность Мир Карма Первенство Сохранение среды Равенство полов

Анализ данных показывает, что в молодежном сознании дилемма «Восток – Запад» в предпологает, что «Запад / Европа» – это соблюдение прав и свобод, равенство перед законом, качество жизни и технический прогресс, а в «Восток / Азия» вкладывается негативный смысл. Но в своем реальном поведении молодой казахстанец чаще всего уподобляемся человеку, который говорит: «Я иду в душ, хочу смыть с себя азиатчину!», но при этом он моет только голову, чуть-чуть моется. Это говорит о том, что эта грязь ему приятна, он привык к ней. *Маргинальность сознания и менталитета – вот главная характеристика современного Казахстана.*

Современный Казахстан как мультинациональное и многоклановое образование не имеет единого культурного поля, в котором представители разных национальностей и социальных групп имели бы общие ценности и ориентиры, и осознавали бы себя единым народом. Межкультурные противоречия разрывают Казахстан на социокультурные полюса: евро-центризма и пан-тюркизма [9, с.178-180].

Евроцентристский полюс культурного развития ориентируется на ценности индустриально-урбанистической цивилизации. Личность

здесь можно охарактеризовать как автоматизированный, независимый субъект социализации, имеющая возможность раскрепощения и развития своего творческого потенциала, хотя и попадает в тиски денежно-экономической зависимости от жесткого и безликого рынка.

Полюс национал-традиционализма (пан-тюркизма) основывается на традициях аграрно-кочевой цивилизации и господстве патриархального родоплеменного (жузового) патерналистского менталитета аульной среды. У многих представителей данного полюса культурного развития процессы социальной интеграции и аккультурации так и не сформировали прочных навыков и культуры труда, профессиональной компетенции и уважения к высокотехнологичному труду, не выработали личностное индивидуальное начало.

Анализ социокультурных особенностей казахского общества позволил исследователю типологизировать следующие модели социализации. Параметры модели социализации обусловлены межкультурными противоречиями между социокультурными полюсами общества и определяются соотношением возможностей согласования и удовлетворения базовых, социальных и духовных потребностей молодежи по к цивилизационно-исторической вертикали «восток-запад» и пространственной оппозиции «аул-город» (рис. 1).

Прежде всего, выделяется многочисленная *традиционная модель социализации* присущая многочисленной части аульной молодежи и городских мигрантов, первое поколение которых, родилось в казахском (или смешанном) ауле с его традиционно-патриархальной культурой, авторитетом старших, приоритетом рода, жуза и, в конечном счете, – государства над отдельной личностью. Обычно они заканчивают казахскую школу, говорят и мыслят преимущественно на казахском языке, по отношению к ним русско-европейская культура выступает как иноэтническая, чужеродная культура.

Следующую модель социализации казахстанской молодежи можно назвать *мобилизационной*. Она характерна для русскоязычной молодежи с сельской местности и некоторой части казахской молодежи, находящейся на стыке двух культур – казахской и русско-европейской, между аульной и городской культурой. Ведущим типом развития (общества и соответствующей ему социализации) в данном случае является личностное развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм.

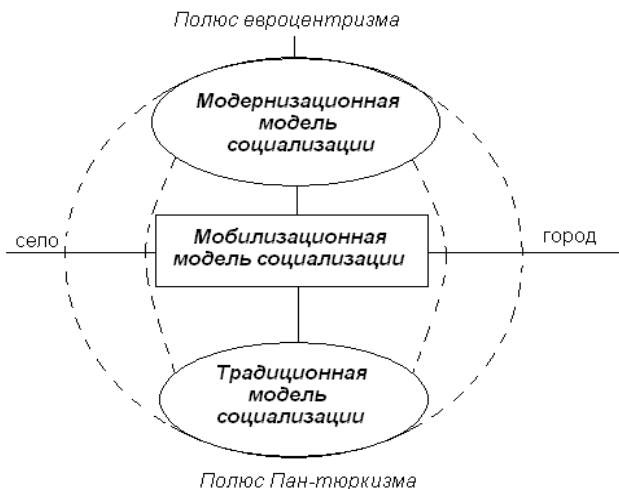

Рисунок 1 – Социокультурная стратификация казахстанского социума

Отличительной его чертой является то, что оно происходит под влиянием внешних, экстремальных факторов, прежде всего, неравных стартовых условий социализации по сравнению с урбанизированной молодежью. Они характеризуются этнокультурным и языковым дуализмом (они наполовину казахи, наполовину русские), двумя главными детерминантами – это сельское происхождение (этнокультурный компонент) и русское образование (цивилизационный компонент). Среди окончивших среднюю школу на русском языке в 2025 году было почти 40% казахов. Они более толерантны к неказахским этносам, органично впитали в себя как русско-европейскую, так и традиционно казахскую культуру, говорят и мыслят по-русски так же легко, как и по-казахски, хотя не все из них владеют литературным казахским языком.

Соотношения вышеописанных культурных моделей социализации приводит к жесткой конкуренции, сказывающегося и отношении к интеграционным процессам с Россией. Так, в ходе экспертного опроса, 28% респондентов, относимых нами к «традиционастам», выступают против Евразийского экономического союза (ЕАЭС) опасаясь потери независимости страны, ее культурной идентичности и доминирования русской культуры, а 47,6% «модернистов» более ориентированы на расширение гуманитарного и экономического сотрудничества с развитыми странами Запада, чем с Россией.

Наши данные, характеризующие динамику деструктивного отношения молодежи Казахстана к интеграции с Россией, коррелируются с замераами общественного мнения, опубликованными главным научным сотрудником Казахстанского института стратегических исследований М. Лаумулиным [7]. Мнение населения Казахстана относительно Таможенного Союза (Белоруссии, Казахстана и России) разделилось: 52% опрошенных поддерживают этот интеграционный проект, 48% высказались «против» или не определились в своем отношении. В апреле-мае 2021 года Институт стран СНГ (г. Москва) провел дополнительный опрос казахстанских респондентов, в ходе которого выявлялась принадлежность к социальным категориям тех, кто отрицательно относится к объединению в интеграционные структуры [8]. Результаты дополнительного опроса показали, что 78,7% считающих нецелесообразной постсоветскую интеграцию являются представителями крупного и среднего бизнеса, менеджерами финансовых учреждений, работниками силовых структур и правоохранительных организаций и государственные служащие.

С прагматической точки зрения такое положение дел вполне объяснимо. Если руководствоваться исключительно соображениями выгоды, то ориентация на западные центры мировой силы выглядит значительно более привлекательной, чем объединение с Россией, которая пока не обрела устойчивой тенденции экономического роста. Однако в основе евразийской интеграции лежит нечто большее, чем голый прагматизм – *культурно-цивилизационная общность*, формировавшаяся веками в интеграции многоэтнических традиций, генерировавших некую идентичность, постичь которую рациональным сознанием невозможно.

Динамику деструктивного отношения молодежи Казахстана к интеграции с Россией во многом объясняется *факторами латентной межэтнической напряженности в Казахстане*: во-первых, как известно, в казахстанских государственных органах доминируют представители титульного этноса и значительная часть амбициозной молодежи опасается конкуренции во властных структурах со стороны других этносов; во-вторых, как показывает теория и практика этнологических исследований, этнический изоляционизм неизбежно ведет к нарастанию этнических фобий, предрассудков, столкновению этнических культурных ценностей; в-третьих, как показывают данные многочисленных социологических опросов, имеет значительное распространение бытовой национализм в связи с преобладанием казахов среди чиновников.

Вторую группу составляют черты казахстанского менталитета, привнесенные «суверенно-демократическими» преобразованиями. Распад Советского Союза, с одной стороны, создал условия для реализации потенциальных возможностей представителям одних этносов и слоев населения, прежде всего, партийно-хозяйственной номенклатуры, сумевшей приватизировать наиболее экономически весомые фрагменты экономики, наследниками которой сегодня является т.н. «золотая молодежь». С другой стороны, для миллионов молодых людей самоустранение государства из социальной сферы как ведущего актора привело к резкому падению уровня образования, медицины и социального обеспечения, что актуализировало такие черты менталитета как пессимизм, угодничество, взяточничество, приоритет личных интересов перед общественными и, прежде всего, в группе «молодежь категории НЕЕТ».

Третья группа опасностей связана с формированием «новой» идентичности в условиях тотальной идеологической обработки «поколения KZ». История доказала, что национальная государственность после ее обретения входит в привычку, и отнять ее почти невозможно – разве что за счет мощной внешней силы. Низкий уровень образования и мировоззренческая неразборчивость не позволяет молодежи четко определить свою ценностно-идентификационную ориентацию, реально видеть плюсы и минусы евразийской интеграции.

Вырастают поколения, для которых СССР – это «древняя история». Ценности общего государства им неизвестны, но есть мифы, впитанные из учебников истории – об «имперском мышлении», «колониальной политике», «закабалении народов», «насильственной русификации». Если в 1993 году был случай в Уральске, когда на выпускном экзамене ученик отказался отвечать на экзаменационный билет, где спрашивалось об имперском угнетении казахов со стороны России, то сейчас все чаще молодые люди отказываются от русской принадлежности. Последняя перепись населения показала уменьшение русских не из-за миграции, а из-за смены идентификации. Как правило, дети из смешанных семей предпочитают называться по нерусской национальности одного из родителей. Нерусским стало комфортнее жить не только в Казахстане, но и в других новых независимых государствах [9].

Отмеченные опасности вовсе не следует воспринимать как предостережение и тем более выступление против образования ЕАЭС и Таможенного союза. Сами эти формы, несомненно, являются лучшим и, главное, продуктивным способом преодоления того состояния

разобщённости на постсоветском пространстве, которое мы наблюдаем сейчас.

На протяжении веков Россия, аккумулируя культурный потенциал народов, объединяемых в одном цивилизационном пространстве, выполняла роль генератора собственной творческой активности, являясь, говоря словами английского политолога Р. Коллинза, «зоной престижа» [4]. А «материальной сцепкой» сохранения евразийской культурно-цивилизационной ценности остается русский язык, как средство коммуникации, культурного обмена, функционирования наднациональных структур. Однако главное значение русского языка заключается все же не в этой, бесспорно важной стороне интеграционного процесса. Несмотря на усиленную политику дерусификации русский язык остается главным и единственным инструментом продвижения идентификационных символов евразийства и его культурных практик до экзистенциальной глубины, когда каждый человек становится субъектом объединительных тенденций.

Именно человек, его благосостояние и самочувствие в широком смысле слова, является точкой отчета любой интеграции в области образования, а в перспективе формирования единого образовательного пространства. Любая другая ориентация, игнорирующая «социальную цену» или «социальный эффект» проводимой интеграции в области образования, не могут считаться ни нравственными, ни моральными.

Образовательное пространство государств-участников Евразийского экономического союза – это зона конкретного взаимодействия национальных образовательных систем и их отдельных звеньев. Особенности такого взаимодействия являются:

- согласованная образовательная политика;
- взаимное сближение и взаимодополняемость национальных образовательных систем;
- синхронизация действий, достигаемая на основе их регулирования, возможно, и наднациональными институтами;
- постепенное перерастание национальными образовательными системами своих государственных рамок и зарождение тенденций к формированию единого образовательного пространства как наиболее эффективной формы реализации задач образования будущего.

Структурно это пространство представлено различными агентами, субъектами, различными уровнями действий: отдельных учреждений образования, отдельных региональных межгосударственных и негосударственных образовательных структур

(союзы, ассоциации, конгрегации, фонды и т.п.), международной деятельностью национальных государств, составляющей высший уровень – основу международных отношений и связей, основу интеграции в сфере образования.

Таким образом, речь идет об интеграции на принципиально иной «мягкой основе», т.е. основанной на общем менталитете народов бывшего СССР, русском языке как языке межнационального общения, идеологии евразийства как ценностно-идентификационной ориентации будущих поколений. К сожалению, в условиях глобализации и модернизации всех сторон общественной жизни значительная часть молодежи оказалась подверженной прозападным ценностям и утратила исторический социально-генетический код, неразрывно связанный с евразийством. Это поколение (за пределами России) выпало из временного контекста евразийской общности, но еще не потеряло социально-культурные связи с культурой донором – русской культурой. Функционирование русского языка в странах Евразийского экономического союза – гарантия дальнейшего развития интеграционных процессов на евразийском пространстве, разрушенного распадом СССР.

Заключение. Активизация интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, свидетелями которой сегодня мы являемся, обусловлена не сиюминутной политической конъюнктурой, а наличием глубокого историко-культурного базиса взаимоотношений народов и государств, объединяемых евразийской ментальностью и идентичностью. Формирование полноценного регионального объединения процесс не линейный и может подвергаться влиянию разного рода (в том числе внешних) факторов. Однако выстраивание стратегии долгосрочной политики в этом направлении должно осуществляться с учетом реальности культурно-цивилизационного фактора реинтеграции. Образование – это реальная сфера межкультурного взаимодействия и интеграции стран-участников Евразийского экономического союза.

Литература

1. *Бжезинский З.* / Brzeziński Z. Russia, like Ukraine, will become a real democracy/ The Financial Times. 10.12.2013.
2. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Эксмо, 2006. 508 с.
3. Классика геополитики, XX век: Сборник / Сост. К. Королев. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. -731 с.
4. *Коллинз Р.* Цивилизации как зоны престижа и социального контакта // Социальные и гуманитарные науки. Сер. Социология. М., 2003, №1. С 93-99

5. Кун М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартленд // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984. С. 180–188.
6. Назарбаев Н.А. Евразийство: сборник избранных статей и выступлений Главы государства / Под ред. Е.Б. Сыдыкова. Астана: Издательство ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. 222 с.
7. Лаумулин М.Т. Возвращение в место, которого нет: Можно ли восстановить Советский Союз или создать на его месте жизнеспособную структуру // Россия в глобальной политике. № 1 (январь-февраль), 2023. С.88-99
8. Положение русского языка как фактор социально-политического поведения российской диаспоры в странах СНГ. М: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). М., 2012. -236 с.
9. Тесленко А.Н. Культурная социализация молодежи: казахстанская модель. Монография. Саратов: Саратовский гос. тех. университет, ООО изд-ва АкмЦНТИ, 2007. -556 с.
10. Тесленко А.Н. Поколение KZ: особенности культурной социализации и молодежной работы // Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: актуальные проблемы социализации поколения Z. Астана. 2022. С.10-17.
11. Тесленко А.Н. Поколение KZ: парадоксы молодежного сознания // Донецкие чтения – 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. 2024. С. 214-217.
12. Teslenko A. KZ Generation: In Search of Cultural Identity // Studies in Social Science Research. Vol 3, No2. 2022 (doi 10.22158/sssr.v3n2p51)

ОБРАЗ РОССИЯН В РОССИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ВИЗУАЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МЕДИА

Тупикова В.А., Москва (Россия)

Статья подготовлена в рамках ИнНИР № 100942-0-000 «Социальные практики и барьеры восприятия территории РУДН как локального центра притяжения в городе: сравнительный анализ мнений студентов, сотрудников и местных жителей»

Аннотация. Доклад посвящен анализу медиарепрезентаций россиян в современном художественно-развлекательном контенте. Эмпирическую основу исследования составили результаты контент-анализа телевизионных и стриминговых медиапродуктов 2024–2025 гг. с последующим количественным анализом категорий текстового описания и тональности. Установлено преобладание негативной тональности медиарепрезентаций (59,2%), связанной с сюжетами социальной нестабильности, криминализации и моральной амбивалентности. Позитивные образы чаще ассоциируются с